

● АШКАВАД

ТОЛЬКО ЧТО В СТОЛИЦЕ ТУРКМЕНИИ ОТКРЫЛАСЬ ВЫСТАВКА ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА «ПО ЗЕМЛЕ ТУРКМЕНИСКОЙ». О ТУРКМЕНИИ НАС ПОЗНАКОМИЛИ В СТЕРАХ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РЕСПУБЛИКИ. ЭТА ЭКСПОЗИЦИЯ, КАК БЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ, ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕБЕ НАЦИОНАЛЬНУЮ ХУДОЖЕСТВЕННУЮ ВЫСТАВКУ «ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ», ПОСВЯЩЕННУЮ XXIV СЪЕЗДУ КПСС.

● МОСКВА

СЕГОДНЯ В ЗАЛАХ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ СССР ОТКРЫВАЕТСЯ ВЫСТАВКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ НАРОДНОГО

ХУДОЖНИКА СССР. Д
МИИ ХУДОЖЕСТВ СССР
ДНЯ ЕГО РОЖДЕНИЯ

В АДМИНИСТРАЦИИ
ЦИОНАЛЬНОГО ОНТ
ПРЕДСТАВЛЕНО ТВОР
ГЕРОМ НАТИН — ТИ
РЫВАКИ, ОХОТНИКИ

» ГОРОДЕ...

1. Не отражающее зеркало, а увеличивающее стекло

КЛАЙПЕДА — город, возникший более семи веков назад как бастион литовцев против крестоносцев Ливонского ордена, познавший ярость бита и горячие унижения. Он бывал и яблоком раздора, и ахиллесовой пятой, и крапленой картой в руках авантюриста, и плацдармом, начеленным на востоке. В конце тридцатых годов фашистская клика Сметонис услужливо положила его — единственный литовский морской порт — к ногам третьего рейха. Сам фюрер незадолго до прибытия сюда, чтобы провозгласить новый порядок и призвать население литовского города к безоговорочному послушанию. Но речью, произнесенную Гитлером с балкона городского театра, лишь гулкое эхо разнеслось по площадям и бульварам. Город был мутен. Литовцы ушли из него на восток, ушли вместе с детьми и стариками, с насмешливым свистом. Трудные люди Клайпеды не разделили позора предательства с буржуазно-националистическими правителями тогдашней Литвы.

В январе сорок пятого под ударами наших войск форпост откатывался из Клайпеды. Но гитлеровцы жестоко мстили городу, который так и не встал на колени. Они уничтожили все на пути своего отступления: взорвали порт, убили суда, сожгли почти все жилые дома.

И все-таки Клайпеда жила. Она ожидала и росла стремительно. Теперь это третий по величине город Советской Литвы. Город — мореплаватель, докер и рыбак. Город таксистов, судостроителей, школьников и студентов. И город театралов.

Что же насчет традиций, то они создавались спешно, на бегу, азартно и горячо, как и все в этом городе, жизнь которого будет являться змеем и лентой, ибо Клайпеда — один из немногих незамерзающих западных портов нашей страны. Каждый год штурмуют у ее причалов сотни судов всевозможных флагов. Приходят и уходят рыболовецкие флотилии, промысловые не только на балтий, но и в далекие африканские берега. Клайпеда, город со 150-тысячным населением, круглый год полна встреч и расставаний...

— Ну, а как живет ваш театр? Если бы вы задали этот вопрос любому клайпедянину еще шесть-семь лет назад, он бы удивленно пожал плечами.

Замкнутой жизнью жил тогда коллектив Клайпедского драматического театра. И порой начинало казаться, что переставив у него нет, что в этом городе вообще театр не нужен. Он шел от неудачи к неудаче, от полусвета к полупропаду. У окошек его кассы редко возникала нетерпеливая стайка лю-

бителей искусства. В зале, как правило, были заполнены лишь несколько рядов партера. Укоренялось мнение, что Клайпеда — просто один из самых «неинтересных» городов Литвы.

А теперь никому и в голову не придет дебатировать на столь праздную тему: нужен ли городу театр? Театр сегодня — эстетическое сердце города. Его достоинство — его гордость.

И вот мы в театре.

Медленно гаснут матово-молочные фонарики в зрительном зале. Стихает в ожидании чуда партер. Последний торжественный шорох шагов. И начинается волшебство. Оно называется сегодня «Падающие звезды». Это спектакль-размышление. Семь тем для театра поэзии — так назвал его автор, поэт-философ Юстас Марцинквичюс. Темы Родины, Начала, Молодежи, Любви, Войны, Детей и, наконец, Бытия. Это конкретные и в то же время обобщенные мысли поэта-гражданина. Это исповедь чистого и прекрасного сердца поэта.

Спектакль этот прост и строг. Графические точен рисунок его. Энергичные линии, как на лингвисте. Аскетичный черно-белый колорит. Старая сужавшая юбка и дощатый настил. Да еще белый четырехугольный зирена. Вот и все. И ансамбль, состоящий из семнадцати актеров. Здесь нет премьеров и статистов. Здесь коллективная воля, коллективная мысль.

Точно распределены роли, верно распределены роли. Артисты дополняют друг друга. Удальство, опьянение, мрак участия каждого, и, кажется, некое решение признать было просто невозможно.

Клайпедский театр не ищет форм воплощения персонализированного личностного героя поэзии. И не пытается сценическими средствами проиллюстрировать стихи, создавая нечто вроде «живых картин». Стихи театра — музыка, музыкальная субстанция поэзии, мурлыкающая, «аравиринованная» для драматического оркестра.

Как достигается эффект музыкальности? Не только за счет прямого сопровождения спектакля музыкой композитора Тисутиса Макавичюса, хотя сопровождение это вполне созвучно концепции и колориту спектакля. Спектакль музыкален сам по себе, всеми своими компонентами. Режиссер и артисты достигают удивительной гармонии речевой и пластической, выразительной красоты человеческого тела, поэтичности и элементарности поэзии. Спектакль воспринимается как симфония — он звучит полифонично, но слышно, не распадается на составные инструменты, как единый вздох семидесятилетнего сердца.

Тональность спектакля открыто

трагедийная. Но спектакль не убавляет веру в жизнь, а, напротив, страстно утверждает ее. Театр не боится «травматизировать» воспоминания. Не унывает, не приунывает страдания прошлого. Но и не сжимает их. Ни на минуту не меркнет свет, излучаемый искусством. Поэзия трагична, но светла.

Спектакль о звездах. Звезды сбывающихся мечтаний. Театр щедро дарит их зрителю. Речь идет о незабываемых раках войны. Но не для запугивания слабонервных пугает он их сегодняшним театром. Его поэзия актуальна.

Есть сцены, которые просто невозможно забыть. Такова памятная падающих звезд. Такова сцена расстрела — черные силуэты тел, распластавшихся, пригвожденных к близости зирены. Потресав Песня солдат («Тема Войны»), которую великолепно исполняют Витаутас Паушис и четыре солдата.

Театр, увлеченный стилем, относится к нему с верой, «выскакивая» из него целый поток эмоций. Лирично и проникновенно, например, читает стихотворный текст в «Тема Детства» Витаутас Канцлерис. Только так и могут складываться отношения театра с поэзией. С полной отдачей чувств. Открыто, страстно, возвышенно.

Клайпедский театр словно полемизирует с модными манипулятивными поэтическими ритмами. Здесь не бояться патетики. Ее понимают, как концентрированное выражение гражданского достоинства и красоты человека.

Трагедийная тема близка, необходима этому театру. Через трагическое он утверждает прекрасное, воспевают веру в человека. Но и комическое — в стили этого колоритного.

Я уже писал о человеколюбивой и наивности юной актрисы Елены В. Барановской в прочтении клайпедчан. Об обязательном и юном, хоть и очень раннем Чудакове (Валдис Барановский), о милом, доверчивом и самоотверженном Велосипедисте (Альгис Венциунас). Из нравственная победа достигается отнюдь не за счет стирания, амортизации общительной остроты сценария Мажоского. Театр — мастер сдержанности. Он умеет навести и не прощать. Он не прощает тупого самодовольства Победоносикова (Ромуальдас Грицквичюс), дурацкого солдатушки Оптимиста (Генрикус Андриуконис). Изящно, но неуловимо протес Альгиса Кубишиса, рисующего портрет пошлака Бальзаковского.

Театр ведет огонь по мешковатой из всех своих батерей, записав таким образом через комедию доброе начало в жизни. Театр — на отображающее зеркало, а увеличивающее стекло.

Блестящим развитием комедийной потребности театра является и «Мастера времени. Часовщик в куртке Ивана Кочерги, впервые по-

ставленного на литовской сцене.

В захватывающем темпе разворачивается сценическая картина становления новых человеческих отношений, рождающихся в мире революционных событий. Как умный психолог и яркий колорист, театр предупреждает: трусость ведет к компромиссу, а компромисс — к пещерности, к мощному трясению.

С тонкостью большого комедийного артиста играет Юриунас А. Венциунас. И снова ошеломляет импровизационный талант Б. Барановского, играющего Дирижера самодельного оркестра.

Так, через комедию, исчерпывая возможности этого жанра, театр идет к познанию и оценке.

И еще одна особенность этого театра: свобода импровизации. Даже в таком «выстраданном» до деталей спектакле, как «Падающие звезды», не угасает импровизация. Мальчик и Давочка в гражданской пенитиме каждый вечер по-новому, по-иному, словно параллельно вводят книгу бытия. Таковы своеобразные импровизационные «визитки», разделяющие темы-главы спектакля.

Но особенно ярко расцвела импровизационная традиция театра в постановке «Короля-Оленя» Карло Гоцци.

Это отнюдь не ученический этюд на тему о театре масок. Это спектакль весьма современный. И не только потому, что остроумны и актуальны приемы его гаров, которые никогда не повторяются и всегда точно адресованы зрителю, с учетом его возраста и профессии. Но, главное, спектакль истинно демократичен, жизнеудовлетворителен, востроителен и впитывает удивительно внутреннюю музыку.

И новыми гранями сверкает неистово изобретательный, эксцентрический талант Б. Барановского — Тарталя, лукавый народный монарх А. Венциунаса — Турфаландар. Кумиром импровизатор Леонард А. Кубишиса.

И снова, как и во всех перечисленных выше спектаклях, режиссер Повилас Гейдис — упрямый художник, никогда никого не повторяющий, идущий собственным путем. А от ряду ему — главному режиссеру Клайпедского драматического театра, ученику Алексея Дмитриевича Полова и Марии Осповен. Кибель — едва лишь тридцать три. И работает он в этом театре шесть лет. И все эти годы были годами восхождения.

Как складывалась атмосфера полного взаимного доверия режиссера и актеров, театра и зрителей? Как театр покорил «неотраваленную Клайпеду»? На эти вопросы я постараюсь ответить во втором письме.

Ольга МАКАРОВА,
сб. корр. «Советской культуры»
КЛАЙПЕДА,
Литовская ССР.